

Эффект бумеранга

Прочитав о подробностях обыска у Собчак, я должен бы, по идее, преисполниться к ней сочувствием. Потому что действительно - беспредел. В туалет женщина должна была ходить под присмотром ОМОНа!

Как тут можно не возмутиться! И как не посочувствовать жертве беспредела, который у нас беспредельно множится, причем по инициативе не властей (они попустительствуют, но это другое). По инициативе "снизу". Выпустили на волю, легализовали самые звериные инстинкты людей - и они рады стараться!

И пытаюсь понять, почему сочувствия нет. Именно по отношению к Собчак.

Она в последнее время показала себя одаренным интервьюером. Она сделала много такого, что могло бы вызвать к ней симпатию. Но симпатии нет. И сочувствия - тоже. Более того, есть омерзительное чувство, что если она представляет нынешнюю оппозицию, и оппозиция такой соратнице рада - значит, мне с ними не по пути. "Скажи мне, кто твой друг..."

Почему?

Ответ прост: г-жа Собчак получает сполна от ее же учеников. Она (не одна она, разумеется, но и она!) трудолюбиво воспитывает вот таких людей, легко теряющих человеческие черты. Беспредельщиков, не знающих, "что такое хорошо и что такое плохо" и гогочущих над этими устаревшими определениями.

Она получила удар ею же запущенным бумерангом. И этого даже не понимает. А значит - уже не так умна, как предполагается.

За то, что беспредел проповедуется, телеканалы и платят те самые миллионы. Ее столь эффективный бизнес на этом построен - на распаде общественной морали. Понимаю: здесь нет специально поставленной зловерной задачи. Это просто бизнес: что хорошо продается, то и предлагаем. А то, что у ее "Дома-2" уже есть своя криминальная биография, ее лично как бы не касается - она же просто зарабатывала деньги!

Теперь - коснулось. И пусть в этом винит в том числе и себя.

Общественная психология, уже давно доказано, меняется под воздействием масс-медиа. Меняется сам способ взаимодействия с окружающим миром - становится романтичнее или, наоборот, циничнее. Это великолепный способ манипулировать людским миром. И то, что кажется невинным, может иметь последствия сокрушительные и необратимые.

... Еще в 90-х я написал статью, которая выламывалась из тогдашних представлений о нашем прогрессивном телевидении. Это было сразу после потрясшего всех убийства Листьева. Убийц, как известно, не нашли до сих пор - и ясно, что не найдут. Но меня интересовал тот самый убийственный бумеранг, который косит людей, его же запустивших. И я написал, что, фигурально говоря, Владислава Листьева убил Владислав Листьев.

Статью немедленно приняли к печати в "Общей газете" Егора Яковлева. Но одна из влиятельных журналисток, очень хороших и самоотверженных, тогда заявила, что если это будет напечатано, она уволится. И действительно: программа "Взгляд" тогда считалась первым предвестием нового демократического телевидения, она была священной коровой для российской интеллигенции - а я посмел усомниться в ее прогрессивности. Егор Яковлев отступил, статью сняли. Но написанное меня мучило и требовало выхода - я понимал, что затронул нечто очень важное, что станет очевидным спустя много лет.

И по просьбе друзей отдал статью в лос-анджелесский еженедельник "Панорама" - пусть будет напечатана хоть там.

Через месяц мне позвонил гениальный актер и режиссер Ролан Быков. Он случайно прочитал статью, счел ее провидческой и теперь не понимал, почему она напечатана не в России. Брался ее "пробить" - считал ее важной для понимания происходящих процессов и их последствий. Для понимания причин распада всех

этических принципов, на которых строится человеческий разум. Ролан Быков не успел - вскоре его не стало.

Я эту статью напечатал только спустя много лет и только в своей книжке "Там, где бродит Глория Мунди", которая вышла тиражом в полторы тысячи экземпляров.

Тираж моего ЖЖ уже побольше. Поэтому все-таки предлагаю статью вниманию тех, кто сочтет ее достойной обсуждения. По-моему, случай Собчак только подтверждает то, что понимание медийного бизнеса как способа добычи миллионов любой ценой однажды неминуемо обратится против того, кто такой бумеранг запускает.

У клипа разговор короткий...

Стыдно сказать: я пошел в журналистику, чтобы быть полезным людям. Это был такой первый импульс. Уже вижу снисходительные улыбки. Кретин был, понимаю. Думал: врач лечит человека, журналист - общество.

Болезней было много. Рубрика "Письмо позвало в дорогу" не сходила с газетных полос. В редакцию обращались как в ЖЭК или в обком партии: надеялись, что помогут. В отделах писем сидели очень серьезные женщины, строго контролировали - кому помогли, кому не удалось. И чтоб на каждое письмо был ответ. Бюрократия.

О главной болезни, конечно, не заикались, но частные нарывы лечили. Гласности побаивались в довольно высоких верхах. Помню неправдоподобную теперь картинку: второй секретарь большого обкома уважительно записывает в блокнот критические наблюдения приезжего журналиста. Он был прохиндей, этот секретарь, но делал вид, что репортер открыл ему глаза. Он боялся, что выйдет статья, и обкомовская дурость станет видна начальникам в столице.

Тогда удалось сохранить один из лучших в стране театров.

К журналистам тянулись, как к доктору. Им верили. Письма приходили мешками, они излучали тепло и благодарность. Было хорошо на душе просто потому, что жизнь, вроде, проходит не зря.

Р-романтик с большой дороги...

Потом пришла демократизация. Тоталитаризм свергли. Бюрократов больше нет, письма никто не учитывает, на них можно не отвечать. Да их и писать перестали.

"Ух, как же вас, журналист, в народе не любят!" - читаю в каком-то репортаже из "горячей точки". Похоже, автор процитировал это с гордостью.

Все плюсы и минусы поменялись местами. Профессии, ради которой я шел в журналистику, больше нет.

Наша печать, в массовом порядке вышедшая на рынок, как на панель, с единым лозунгом "Клиент всегда прав", в судорогах коммерциализации растерявшая и позиции и традиции, сама роет себе могильную яму. Многие издания в нее уже свалились. Другие шатаются на краю.

О традициях нужен бы отдельный разговор. Об отечественной публицистике, например, какой почти не знает пресса Запада. Но именно поэтому пресса Запада, при всем ее умении добыть информацию и раскрутить сенсацию, менее интересна, чем наша времен многомиллионной «Литературки». Ведь публицистика - это драма не только факта, но и мысли.

В конце 10-х годов XX века было решено, что пусть человечество топает само по себе, а мы пойдем своим путем. В конце 80-х все перерешили наоборот: любой опыт хорош, кроме нашего.

"Новая журналистика" драму мысли отбросила как наследие тоталитарного прошлого. Она вообще предпочитала не задумываться.

Тон печати быстро менялся, становился все базарнее и крикливее. Драма мысли все чаще заменялась гамом скандала. А потом была и вовсе перевернута вся привычная иерархия ценностей. На первых страницах некогда уважаемых изданий режутся "светские хроникеры" - кто в чем, кто с кем...

В принципе это шаг, как принято говорить, судьбоносный – вот так сменить иерархию ценностей: подрастают дети, уверенные, что нет на земле ничего более важного, чем последний прикид ныне забытого Богдана Титомира.

Похоже, "новая журналистика" более всего озабочена увлекательным процессом отречения от старого мира и отряхиванием с ног праха любых его традиций. Чтоб никакой преемственности! Чтоб сразу, хряп - и отрезали! Благое дело омоложения кадров стало лучшим способом побыстрее осуществить эту хряп-операцию. На роль властителей дум стали претендовать люди непосредственно из детсада. Манная кашка становилась для них универсальным критерием нравственности.

И вот пишет новорусский репортер - в сущности, тоже о том, чем его соблазнила профессия: "Журналист, горемыка, вынужден торговать собою. Да вы сами знаете про "вторую древнейшую". Так что подкормить журналиста, налить ему рюмочку, позолотить, если угодно, ручку, - дело праведное. Журналист все-таки сила: не накормите, писать не будет".

Парнишка, конечно, с юмором, но вообще-то он всерьез. Это его кредо. И он хочет, чтобы "журналюг" любили?

"От романтики у меня начинается отчетливая тошнота" - это из программной статьи новорусского теакритика.

Ну хорошо. Что взамен романтики?

Уж это мы знаем, - вскричали тут люди из детсада. И принялись упоенно делиться с читателем тем, как, где и сколько раз они мочились, какали и испытывали оргазм. "Люди, твою мать, орлы, куропатки, блин". По-моему, гениальная фраза - восхищается "новый эстет" "новой драматургией".

Освободившись от груза мыслительных процессов, писать (на этот раз с ударением на втором слоге) стали много. От упоения собою к вечеру забывали, с каких позиций писали утром. Это было и неважно. Важно - "как я себя". "Я" всегда убедительно, поскольку универсально. Все какаем" - делится размышлениями плодовитый "новый интеллектуал".

Но обильное произвольное словоиспускание - не журналистика, а медвежья болезнь.

Базар. А базар - не рынок. На рынке покупают - на базаре плюются семечками да бьют морду кому ни попадя.

И вот уже мордобой стал нешуточным: гибнут люди. И журналисты едва ли не в первую очередь. Понимаю болезненность темы, но не могу не вернуться к вопросу, много лет будоражащему воображение и совесть: кто убил Влада Листьева?

Конечно, был киллер. Возможно, был заказчик убийства. Мы не знаем и вряд ли узнаем, кто они. Но ясно, что своих убийц телевидение готовит само. Готовит трудолюбиво и ежедневно. Кует их, холит и тренирует уже много лет.

А как прекрасно все начиналось!

...В знаменитой программе "Взгляд" первых лет перестройки улыбчивые молодые супермены - Любимов, Листьев, Политковский, Захаров, Додолев - предстали "рыцарями правды" и борцами за "новое телевидение". Смысл новизны, кроме разрешенной, но все равно вызывавшей уважение независимости суждений, был в особом ритме, в котором существовали динамичные молодые люди. Он был естественным, в нем было свое обаяние. Тогда он казался динамикой нового времени.

Сегодня ясно, что это - мотыльковость, которая из модного стиля постепенно перерождалась в жизненную позицию. Ни на чем нельзя сосредоточиться более чем на пять минут. Надо спешить: какая к черту философия, нас ждет очередной клип. Мысль, едва возникнув, зарезается на полуфразе, и уже никого не волнует, чем она завершится: наметили тему любой важности, отметились - и мимо.

За полтора часа программа успевала поговорить обо всем - и ни о чем всерьез. Но воспринимали ее всерьез. Как знак нового сознания. Как образ мысли поколения.

Отражала ли она потребности общества? Несомненно. Она давала иллюзию прикосновения к предметам доселе запретным, охотно и задиристо разоблачала. Но дальше не шла. Ее борьба состояла из мелких тычков-кусаний и никогда не переходила на уровень интеллектуальный, не стремилась разоблаченное осмыслить и тем дать обществу реальный толчок к самосовершенствованию.

Ибо у телевизионной программы не было - программы. Никакой вообще. Все как в коммунистической классике: весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем... Что "затем" - об этом новая российская журналистика даже не задумывалась.

В разоблачениях отчетливо проглядывал коммерческий расчет - борьба хорошо продавалась, была в моде, общество политизировалось и требовало новых допингов, разжигающих митинговые страсти. Искать опоры некогда: надо расшатывать и разоблачать, разоблачать и расшатывать - это так современно! Поэтому пошатнут - и наутек, в спасительное пространство музыкального клипа, ориентированное на подкорку, а вовсе не на сознание. На инстинкты, но не чувства.

Это и для политики открывало новые горизонты: политика брталась с шоу-бизнесом, она обретала новый мощный рычаг манипуляции огромными массами людей, прикипевшими к телевизорам.

В поисках новых, более динамичных и зрелищных телевизионных форм прогрессивные молодые люди не только делали из живой мысли удобоваримый фарш. Они дали себя использовать в таких политических целях, о которых и в страшных снах не помышляли. Инстинкты теперь доминировали как на телеэкране, так и на митинге, как в бесконечных клиповых кампаниях, так и в Государственной Думе. Академики Сахаровы и миротворцы Ковалевы, взывавшие к разуму, на этом фоне гляделись либо скучной аномалией, либо шутами гороховыми.

В топке "Взглядов" и множества эпигонских программ, хлынувших в эту расщелину журналистики, тогда сгорело практически все, на чем стояла не только советская идеология, но и национальная культура. Телевидение показало, что оно действительно огромная власть. Оно формирует общественное сознание. Но на уровне не размышления, а - гипноза. Формирует ритм жизни (мотылькового образца) и способность (точнее, неспособность) людей проникать в глубь явлений. Формирует для общества систему ценностей и модных имиджей.

На этих дрожжах выросло поколение "короткого дыхания". Поколение с бычьей шеей, "качки", "новые русские" с хорошо развитым хватательным инстинктом и полным отсутствием культурных навыков. Пятиминутный сюжет был для них привычным размером. На шестой минуте они скучали и переключались на другую программу. А так как соскучившийся зритель - гроза рыночного ТВ, стало быть, надо удержать внимание любой ценой. "Оставайтесь с нами!", - неумоимо взывал с экрана Любимов.

Но удерживать внимание людей становилось все труднее. Клиповое сознание не предполагало мыслей самостоятельных и логичных. Клип не знал такой категории, как мораль.

Поняв, что политические клипы (ток-шоу, как именовали их во "Взгляде") перестают пользоваться успехом, Листьев легко перешел в сферу шоу-бизнеса, позаимствовав у американского ТВ удачную форму азартной игры-викторины. Возникло "Поле чудес", само название которого неизбежно вызывало ассоциации со Страной Дураков и еще раз подтверждало худшие подозрения: цинизм становился главной чертой новой журналистики. Телевидение первым уравнило и политику, и экономику, и все сферы жизни - с игрой, впрямую включив их в игровое пространство, сделав парламентские слушания - потехой, убийство - зрелищем, войну - азартнейшим из зрелищ. "Что наша жизнь - игра!" - это талантливый Влад Листьев доказал и жизнью своей, и карьерой, и даже смертью.

Элементом коммерческой игры был сам героизм первых правдолюбцев российского телеэкрана. Ироничные, артистичные и раскованные, как на арене, они очень грамотно, по законам рынка, сформировали свой имидж героев, охотно при случае подчеркивая эффектные опасности своего положения. Как-то они позволили себе даже леденящую кровь инсценировку: в момент передачи "Взгляд" тишину студии вдруг прорезали сухие хлопки выстрелов и откуда-то из-под потолка посыпались молодчики в пятнистых комбинезонах - случился вооруженный захват телестудии в прямом эфире, и зрители у экранов не сразу поняли, что это - всего лишь щекочущий нервы аттракцион, очередной клип на модную тему.

Порезвились, посмеялись, перемигнулись: "Оставайтесь с нами!".

В принципе винить ребят невозможно: они увлеченно и талантливо разрабатывали, в противовес осточертевшей системе советского партийного телевидения, новую вещательную модель. В разработках не было, как мы отмечали, никакой внятной программы - культурной или, не дай бог, идейной. Чтобы не изобретать велосипед, просто копировали приемы американского ТВ, без затей перенося их на отечественную почву. Делали свое дело, не слишком задумываясь о мере своего воздействия на общество и возможных последствиях.

Для них хорошо было все, что способствует коммерческому успеху, и они "раскрутились" всем на зависть: пошли шикарные круизы, дорогие роскошные фирмы, собственные бульварные газеты, на экранах закутилась всероссийская рулетка, принося баснословные доходы.

Под мощным влиянием своего расковавшегося телевидения общество постепенно оттаивало от спячки. Оковы пали, но взамен не предлагалось никаких нравственных ориентиров, никаких богов, кроме доллара, никаких эстетических ценностей, кроме пряных, доселе запретных плодов, и никаких лозунгов, кроме: "Обогащайтесь!". И свобода воспринималась с предельной, пьянящей простотой: т е п е р ь в с е м о ж н о.

Параллельно с индустрией телеразвлечений активно развивалась новая для России индустрия информации. Она быстро вошла в общее игровое пространство и сделалась подобием пинг-понга. Возникли даже псевдоинформационные программы наподобие "Времечка", объявлявшие конкурс среди телезрителей на самую "крутую" новость, и любая утка шла в эфир. Авторы расплодившихся на всех каналах "Криминальных хроник" стали с бесстрастностью патологоанатомов рассматривать обезображенные трупы, живописные пулевые отверстия и расквашенные лица, смаковать методологические подробности преступлений.

По сходной модели зарабатывали популярность многие печатные издания: они принялись обрушивать на читателей мегатонны крови, мистики, эротики и сенсационных разоблачений. Все это привело лишь к одному: общество окончательно перестало доверять своим средствам массовой информации. Оно интуитивно поняло: информация, от криминальной до политической, как и все в стране, стала предметом купли-продажи. Шариком в азартной игре на "Поле чудес".

Нравы, до тех пор более характерные для уголовного мира, начали определять жизнь таких сфер, как идеология. Телевидение, все перестроечные годы усердно романтизовавшее образ героя-супермена, для которого главный аргумент – кулак или пуля, теперь все чаще ощущает тяжкие удары запущенного им бумеранга. Ведь если интеллект, гуманизм и сама человеческая жизнь более ничего не стоят на телеэкранах, их цена неизбежно падает и в общественном сознании. Если убийство и насилие перестают восприниматься как аномалия, становятся предметом репортерского стеба и входят в норму, если ухватки и лексика экзотов определяют тон наиболее популярных газет и телешоу - рано или поздно вся эта журналистская уголовщина должна аукнуться в жизни. У пули, как у клипа, разговор короткий.

О разумном, вечном и тем более добром сегодня вспоминать не принято. Новая журналистика, похоже, пришла в мир, чтобы бить по голове, пугать и приучать к мысли, что мир - загон, и люди в нем свиньи.

За такую работу пока еще лучше платят.

И тонут в этой пучине последние островки, где когда-то пульсировала мысль, догорают угольки ретиво затоптанных традиций и моральных табу – всего, что составляло человеческую культуру.

P.S. Правоту этой давней статьи подтверждает, я думаю, и появление телеканала "Дождь". Тоже молодого и молодежного, представляющего новое поколение журналистов. И при этом в корне отличающегося от "Взгляда". Снова возникла потребность углубиться в актуальную проблему и ее обсуждать серьезно и вдумчиво. Снова заметны ясные представления о том, что морально, а что - нет. "Дождь" возник стихийно, но выражает очень важную потребность времени и общества понять, что с нами происходит. Уже серьезно, без трусливого бегства в дешевую развлекуху, без опасений, что зритель соскучится и вместе с рекламодателями перескочит на другой канал.

И зрителей у "Дождя" все больше.

Валерий Кичин

Источник: valery-kichin.livejournal.com

Автор: Артур Скальский © Babr24.com ОБЩЕСТВО, МИР 👁 7264 21.06.2012, 10:53 📌 351

URL: <https://babr24.com/?ADE=106519> Bytes: 19138 / 19003 Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: @bur24_link_bot
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)

